

ОГНЕННЫЕ МИЛЛИ

В. ЖУРАВЛЕВ

Рисунки Ю. Ефимова

В этом очерке рассказывается о подвиге, совершенном командой ледокола «А. Микоян» во время Великой Отечественной войны.

1.

По затемненным улицам Батуми возвращался из увольнения трюмный машинист второго класса Саша Лебедев. Молодой матрос только что объяснился со Светланой. «Вроде бы любит, — размышлял Саша, — только не понимаю

одного: зачем нам откладывать свадьбу до окончания войны? А может, она и права...»

На пути к порту Лебедеву встретились матросы Полещук, Рузаков и Молочинский. Вместе дошли до причала, где стоял ледокол «А. Микоян». Когда матросы поднялись на корабль, им бросилась в глаза неожиданная картина: на широкой палубе, на подвешенных вдоль борта беседках, на стальных колонках грот-мачты — всюду кипела работа. Разбрызгивая каскады золотисто-зеленых искр, шипела электросварка. Друзья в недоумении остановились: «Неужели готовимся уходить? Куда?»

Их заметили. И тут раздалось добродушно-насмешливое:

— А, братишки, явились!..

— Хватит разгуливать, надевайте-ка робы!

Моряки поспешили к своим местам. Капитан ледокола Сергеев пригласил в кают-компанию на экстренное совещание своего первого заместителя Новикова, парторга Барковского, второго помощника Фаворова, старшего механика Злотника, второго механика Данасова, третьего механика Хамидулина и судового врача Попкова.

— Товарищи, — начал Сергеев, — получен приказ наркома Военно-Морского флота срочно готовить корабль к дальнему плаванию... — Голос капитана был тверд, только серые глаза стали как будто темнее. — Ближайший пункт наз-

начения — Константинополь. Там получим новые указания от нашего военноморского атташе. Разумеется, идем без всякого вооружения. Иначе турки нас не пропустят.

Наступила пауза.

Команда ледокола привыкла за месяцы войны к самым различным заданиям. Они были под Одессой и в Севастополе, вместе с боевыми кораблями Черноморского флота выходили в море.

Скорость ледокола была небольшая — двенадцать узлов¹.

Хорошо видимый сверху, ледокол был отличной целью. Однако Сергеев мастерски пользовался его маневренностью, и «А. Микоян» во время боев не получил ни одного прямого попадания и не потерял ни одного человека. А бывали отчаянные положения, когда море вокруг кипело от взрывов авиабомб, и корабль трясло так, что жаровые трубы котлов давали просадку.

Но вот теперь ставилась задача, которая казалась невыполнимой.

— Будут ли нас сопровождать? — спросил Попков.

— Да. До Босфора пойдет конвой — лидер и эскадренный миноносец.

Больше вопросов не было.

Сергеев встал.

— Двадцать четвертого ноября мы должны быть готовы к плаванию, — сказал он.

Команда ледокола любила своего капитана. Он был для всех примером мужества и решительности. Все знали также, что в годы борьбы за республиканскую Испанию Сергей Михайлович добровольцем сражался против фашистов в рядах испанских моряков.

...Работы на корабле шли полным ходом. Моряки соревновались за отличную подготовку ледокола к рейсу. Ежедневно выпускались «боевые листки», передавались сообщения Совинформбюро.

24 ноября 1941 года все было готово. Утром группа моряков получила разрешение сойти на берег, чтобы попрощаться с семьями, жившими в городе. Саша Лебедев в этот день стоял на вахте. Увидев кочегара первого класса Стаценко, Саша протянул ему письмо.

¹ Узел — морская мера скорости, равная числу миль, пройденных за час. Милья — 1852 м.

— Иван Яковлевич, прошу вас как отца. Отнесите по адресу и подождите ответа. Может, не свидимся больше...

Стаценко бережно взял бумажный треугольник и негромко ответил:

— Все сделаю как положено.

С нетерпением ждал Саша старого кочегара. Стаценко вернулся вечером.

— Хорошая у тебя дивчина, — сказал Иван Яковлевич. — Такая будет ждать. — И отдал Саше конверт.

Вместе с письмом Светлана посылала свою фотографию.

Молодой моряк долго смотрел на снимок, думал о разлуке, о предстоящем походе. «Да, Светлана права, главное сейчас — война, остальное — потом...»

Ночью «А. Микоян» снялся с якоря и взял курс на Босфор. Когда начался рассвет, корабль был уже далеко от родных берегов.

2.

Вместе с «А. Микояном» отправились два танкера — «Варлаам Ованесов» и «Жданов». Суда охранялись лидером «Ташкент» и эсминцем.

Днем шли спокойно. Но к вечеру подул свежий нордостовый ветер, который скоро превратился в одиннадцатibalльный шторм.

Море покрылось темными валами, началась качка. С каждым часом ветер крепчал. Кромешная тьма поглотила танкеры и корабли охранения. Сергеев стоял на капитанском мостике. То и дело раздавались его команды: «Лево на борт! Стоп. Так держать! Право руля!» — и рулевой Молочинский едва успевал их выполнять.

Ледокол то зарывался носом в воду, то переваливал через огромный вал, обнажая винты.

На верхнюю палубу была вызвана боцманская команда для добавочного крепления шлюпок и другого имущества.

В штурманской рубке над картой склонился штурман Марлян.

— Как дела, Николай Никифорович? — спросил вошедший Сергеев.

Штурман поднял голову.

— Небольшая неувязка, Сергей Михайлович. Вот, посмотрите...

Капитан молча проверил маршрут, потом задумчиво произнес:

— Будем идти намеченным курсом.

Дверь распахнулась, и на пороге рубки появился озабоченный Новиков.

— Что нового? — насторожился Сергеев.

— Связь с танкерами потеряна, кораблей охранения по-прежнему не видно.

— Здорово разбросало нас, — огорченно проговорил капитан. — Давайте, Михаил Федорович, пройдемся по вахтам. Вы проверите палубы, а я спущусь в машинное отделение.

Сергеев и Новиков вышли из штурманской. Хлестал дождь, в мачтах гудел ветер, волны с грохотом разбивались о нос ледокола. Сергей Михайлович плотнее запахнул плащ и, держась за поручни, начал спускаться по железной лесенке. В машинном отделении стоял грохот, пахло гарью. Здесь работали здоровые, крепкие ребята — «духи», как их звали на корабле, — Кузов, Лебедев, Борисов, Долженко, Лозовой, Мотолубов, Федосеев.

Сергеев подошел к Саше.

— Как себя чувствуете, Лебедев?

— Нормально, Сергей Михайлович, — улыбнулся моторист.

От одного поста к другому переходил Сергеев. Для каждого матроса у него находилось доброе слово.

Капитан вновь поднялся наверх и направился в радиорубку, где нес вахту Гладуш.

— Что танкеры, конвой? — спросил радиста Сергеев.

— Пока молчат.

— Продолжайте внимательно следить за эфиром!

— Есть!

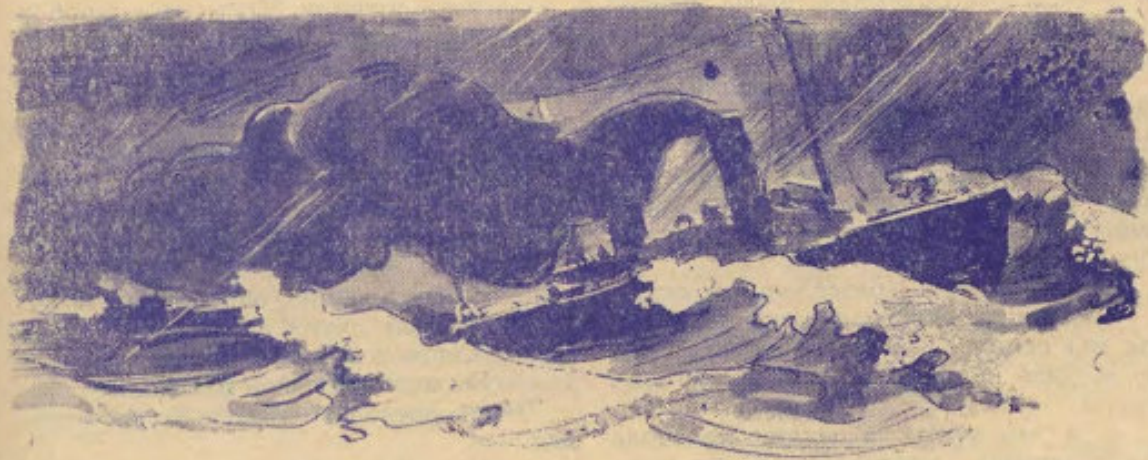
...В Босфорский пролив «А. Микоян» входил в одиночку. Турецкий катер развел боновые заграждения, и ледокол беспрепятственно взял курс на Константинополь. Внешне все выглядело благопристойно, но Сергеев понимал, сколько понадобилось нашим представителям усилий, чтобы получить у турецких властей согласие на пропуск корабля.

Константинополь поразил команду своей беспечной жизнью. Город не затемнялся, из кафе и ресторанов неслись звуки джаза; по набережной разгуливали нарядно одетая публика. После пожара Севастополя и Одессы все это казалось чем-то нереальным.

Вскоре на борт «А. Микояна» поднялся советский военно-морской аташе. Сергей Михайлович ушел с ним в каюту и получил директиву-задание. Суть ее заключалась в следующем: скрытно от противника прорваться через Эгейское море и войти в один из средиземноморских восточных портов наших союзников. Дальнейшие указания получить через английское военно-морское командование.

В случае безвыходного положения корабль надлежало взорвать...

Ледокол по-прежнему должен был идти без всякого вооружения. А на пути следования, в районе островов Самос, Кос и Родос, находились вражеские миноносцы, торпедные катера, самолеты-

торпедоносцы. Сергеева предупредили также, что противник догадывается о возможном прорыве советских судов в Средиземное море.

Капитан вызвал к себе секретаря партийной организации Барковского, первого заместителя Новикова и рассказал обо всем.

— Да, задача, — вздохнул Новиков. — Пройти незамеченным такому большому кораблю среди множества островов с наблюдательными постами противника — дело почти невероятное. К тому же наша стоянка здесь — не секрет для немцев и итальянцев. Они имеют возможность наблюдать за кораблем из окон своих консульств даже невооруженным глазом.

— Все это так, — помрачнел Сергеев. — Но прорваться надо!

Его поддержал Барковский:

— Если понадобится, будем драться!

— Поленом, что ли? — с горечью отозвался Новиков.

Когда капитан ледокола изложил задачу на совещании командного состава, было принято решение: для действий по боевой тревоге экипаж разбить на две группы — группу затопления и группу сопротивления. Первая по команде с мостика должна была взорвать и затопить корабль, вторая, используя в рукопашной схватке пожарный инвентарь, топоры и ножи, — оказать решительное сопротивление противнику при его попытке подняться на борт ледокола.

...Саша писал письмо Светлане. Писал не для того, чтобы опустить где-то в почтовый ящик весть о себе, а просто хотел поговорить с любимой. Кубрик заполняли возбужденные голоса товарищей. Моряки делились мыслями, вызванными приказом капитана.

— Я вот что скажу, братишки, — горячо говорил Николай Кузов, — правильное решение принял батя. Не пристало советским морякам сдаваться врагу в плен. Предлагаю вывести в котельной мелом: «Корабль не сдавать, лучше смерть!»

— Правильно! — раздалось в ответ.

У Саши перехватило дыхание. «Сейчас мы решили, — заканчивал он письмо, — судно не сдавать. Так оно и будет, Света!»

А в это время капитану ледокола представители союзников и турецкие таможенники наносили визит вежливо-

сти. Он угощал их традиционной рюмкой водки. Гости обходили ледокол и в приятном расположении духа возвращались на берег. Сергеев отлично понимал, что за вежливыми фразами и улыбками скрывается полное неверие в успех рейса. Правда, не сдержался только английский консул и выразил свои мысли вслух: «Ваши шансы на успех? — спросил он. — Гм! Впрочем, попытайтесь. Желаю счастливого плавания».

Когда над рейдом опустилась ночь, «А. Микоян» снялся с якоря. Это произошло 29 ноября 1941 года.

3.

Ледокол медленно шел вдоль берега. Винт вспенивал воду, оставляя за кормой кружевную фосфоресцирующую полосу. На мостике находились капитан Сергеев, Новиков, Холин, рулевой, сигнальщик и лоцман-турок. Последний отдавал короткие команды по-английски, поворачивая одновременно рукоятку машинного телеграфа. Сергеев передавал рулевому по-русски команды лоцмана и внимательно следил за всеми маневрами судна.

С каждым оборотом винта огни Константинополя уходили все дальше. Что ждет команду впереди? Какие испытания придется выдержать, пока ледокол достигнет родных берегов?

Через некоторое время лоцман покинул судно. Прощаясь, он поднял лицо к небу и, приложив руку к сердцу, тихо произнес:

— Да благославит вас аллах!

Сергеев перевел ручки телеграфа на «полный вперед».

За ночь прошли Мраморное море и вступили в воды Эгейского. Шли ночами, без ходовых огней, с наглухо задраенными люками и переборками, а днем, притушив котлы, отстаивались у какого-нибудь из бесчисленных островов.

Ночью, в дождь, удалось проскочить незамеченными в двух милях от острова Самос, где базировались итальянские миноносцы. Вражеские прожекторы злоеще, но безуспешно, обшаривали мглу.

На третьи сутки показался остров Родос. Сергеев по трансляции объявил:

— Выходим в район опасности.

Через несколько минут Холин передал:

— Над нами прошел самолет-разведчик!

Стало ясно, что встречи с противником не избежать.

Вскоре на горизонте показались черные точки.

— Итальянские катера! — предупредил Холлин.

Сергеев поднял к глазам бинокль. Да, сомнений не оставалось: к ледоколу полным ходом шли четыре катера.

Звон колоколов громкого боя возвестил о боевой тревоге. По палубам гулко затопали десятки матросских ног.

Катера приближались, но ледокол продолжал следовать прежним курсом.

— Чей корабль? — запросили фашисты.

Котельный механик Хамидулин ответил по-турецки:

— Судно следует в Смирну. Что вам надо?

По мостику секанула автоматная очередь.

— Полный ход! — командовал Сергеев.

Но катера не отставали. Послышалось требование:

— Следуйте в Родос под нашим конвоем!

«А. Микоян» не сбавлял хода. Фашисты открыли огонь. Пушки и пулеметы били по надстройкам. Вот, обливаясь кровью, упали рулевой Рузаков, сигнальщик Полещук. В нескольких местах вспыхнул огонь.

— Аварийной команде наверх! — приказал капитан.

Матросы с шлангами и огнетушителями бросились тушить пожары. В отблесках пламени мелькала фигура Саши Лебедева. Несоизбежно рядом с ним загорелся катер с бензином.

— Ко мне! — крикнул Саша.

Группа смельчаков поспешила на помощь мотористу. Пули цокали, ударяясь в обшивку, свистели над головой. Матросы освободили горящий катер от креплений и, сгибаясь под тяжестью, выбросили его за борт.

Израсходовав боезапас, фашисты пустили в ход торпеды. И тут блестяще проявились опыт капитана Сергеева и его умение пользоваться маневренностью корабля. Когда катера ложились на курс атаки, он спокойно выжидал. Потом следовало резкое «лево руля» или «право руля», и торпеды проносились мимо. Четвертая прошла, едва не угодив в корму. Больше у катеров торпед не было. Капитан облегченно вздохнул. Катера уходили, оказавшись бесильными перед мужеством безоружных советских моряков. Команда ледокола кричала «ура!», торжествуя победой. Однако враг не прекратил попыток потопить ледокол. Не успели скрыться катера, как в небе появилось два самолета. От них прямо по курсу корабля отделились какие-то черные предметы на парашютах.

— Циркулярные торпеды! — определил Сергеев.

Торпеды упали в воду и на большой скорости стали описывать спирали. Судно быстро развернулось в обратном направлении, потом сделало рывок в сторону. На мостике с напряжением следили за торпедами. Только бы успеть выйти из этой мертвой петли!

Торпеды прошли далеко в стороне. Еще победа!

Сгустились сумерки. На самом полном ходу «А. Микоян» следовал курсом на Кипр под защиту английской военно-морской базы Фамагуста. В эфире слышалась переключка радиостанций вражеских эсминцев, отправленных для преследования ледокола. Но для них он был уже недосягаем.

4.

Фамагуста, вопреки ожиданиям, встретила советский ледокол неприветливо. С берега поступило распоряжение: в порт не входить, бросить якорь за боами. Сергеев потребовал немедленного объяснения. Ведь в любой момент судно могло стать добычей неприятельских подводных лодок.

На борт прибыл английский офицер. Он придиричиво осмотрел корабль, пощелкал языком. Увидев многочисленные пробоины в надстройках, сочувственно улыбнулся, потом сообщил капитану, что судну надлежит немедленно сняться с якоря и под конвоем корвета отправится в Бейрут.

Сергеев недоуменно пожал плечами. Кораблю, выдержавшему тяжелую схватку с противником, не давали возможности даже залатать дыры, устранить последствия пожара.

До Бейрута дошли спокойно. Но и здесь не удалось бросить якорь. Посыльное судно передало новый приказ: продолжать движение на Хайфу. Сергеев знал, что этот порт подвергается частым налетам итальянской авиации, которая сбрасывает магнитные и акустические мины. Но «А. Микоян» нуждался в ремонте.

В Хайфу вошли без препятствий и стали на якорь. Начался ремонт. Однако не прошло и двух дней, как портовые власти потребовали переменить место якорной стоянки. Через неделю пришлось перейти на другое место. За семнадцать дней советский ледокол представляли шесть раз!

— Не кажется ли вам, Сергей Михайлович, — высказал предположение Борковский, — что нас решили использовать как подопытных — проверить, нет ли магнитных мин в акватории порта?

— Пожалуй, вы правы, — ответил капитан.

Ремонт подходил к концу, и Сергеев уже договаривался с английскими властями о продолжении плавания. И тут произошло событие, которое явилось новым серьезным испытанием для экипажа судна.

20 декабря 1941 года было, наконец, получено разрешение на выход из Хайфы. Сергей Михайлович объявил об этом команде и разрешил отдых. Войдя в каюту, он, не раздеваясь, лег на койку. Внезапно раздался какой-то грохот, и мощный удар потряс судно. Вахтенные тревожно били в колокол. «Пожар?» — подумал Сергеев и выбежал из каюты.

На мостике уже находились Новиков, Барковский, Холин. Справа от ледокола, на расстоянии двух корпусов, горел английский танкер «Феникс». Из него вырывалось пламя и клубы густого бурого дыма. Как выяснилось позже, «Феникс» подорвался на магнитной мине, сброшенной итальянскими бомбардировщиками.

За первым взрывом последовал второй.

Танкер раскололся на две половины, и тысячи тонн горячей нефти и мазута хлынули из его трюмов, заполняя акваторию порта.

По сигналу пожарной тревоги экипаж ледокола приготовился к борьбе с огнем. Пламя перекинулось на соседние корабли, брекватер¹, где находилась зенитная батарея, и уже охватывало своими цепкими лапами советское судно.

В порту началась паника. Торговые суда и портовые буксиры были брошены на призыв судьбы. Командование портом настолько растерялось, что не приняло необходимых мер к спасению людей и кораблей.

Сергеев приказал сняться с якоря и отойти в безопасную зону. Пока часть команды сбивала огонь с бортов и палу-

¹ Брекватер — каменная преграда для защиты гавани от волн.

бы ледокола, другая выбирала оба якоря и отдавала перлины¹ с берега.

Матросы задыхались в дыму, обжигая руки. Огонь уже лизал трубы ледокола.

Корабль медленно выходил из бушующего пламени, напоминая пылающий факел.

Оказавшись в относительной безопасности, моряки сумели сбить огонь мощными струями мониторов. А когда усталые, почерневшие от дыма и копоти, осмотрелись, то увидели поистине страшную картину. Два английских танкера уже были охвачены огнем. Люди бросались в воду, ища спасения. Одни плыли к советскому ледоколу, другие — к берегу. На таях летели вниз со шлюпбалок спасательные вельботы. Но огонь настигал людей и в воде. На брекватере, отрезанные шквалом, металась английские солдаты-зенитчики.

Взгляд Сергеева упал на пустые, стоящие под парами буксиры.

— Друзья! — крикнул он. — Кто добровольцами на буксиры — шаг вперед!

Вся команда шагнула к своему капитану.

— Холин, Барковский! — командовал Сергеев, — отсчитать с правого фланга двадцать человек — и в шлюпки!

Завизжали на шкивах шлюпбалок² подъемные тали. Через несколько минут матросы дружно работали веслами. А полчаса спустя команды из экипажа советского ледокола шли на английских буксирах спасать людей.

Барковский направил свой буксир к брекватеру, где металась обезумевшие солдаты, Холин — к охваченному огнем английскому танкеру. Сергей Михайлович стоял на мостике ледокола и видел, как смельчаки скрылись в огне и дыму пожара.

Между тем паника в порту продолжалась. Горящая нефть вышла в открытое море. Охваченное пламенем, скрылось под водой норвежское судно, рядом загорелся еще один корабль... Внимание Сергея Михайловича привлекли спасательные плотки с людьми. Придя в себя от страха и убедившись, что они находятся в безопасно-

сти, гребцы перестали работать веслами и смотрели на пожар. Одни из них, закуснув пальцы в рот, дико свистели, другие злорадно хохотали. Большого кощунства придумать было нельзя!

Когда буксир подошел к танкеру, Холин командовал:

— На судно!

Первым взобрался наверх матрос Петр Симонов. Он помог нескольким морякам перебраться на палубу и бросился на полубак¹. Пламя вырывалось из жилых помещений. Спасти судно уже не было возможности. На буксир начали принимать людей. Вдруг с танкера донесся отчаянный вопль. Симонов скрылся в дыму и через минуту, опаленный, в тлеющей одежде, вынес на руках полуобгоревшего человека.

Буксир со спасенными направился к берегу.

С таким же мужеством и смелостью работала команда Барковского у брекватера. Солдаты, отталкивая друг друга, с криками бросались к катеру. На многих горела одежда, и матросы обливали их водой из шлангов. Огонь уже подобрался к ящикам с боеприпасами. Это заметил Саша и начал сбрасывать снаряды в море. Раскаленный металл жег руки, смрадный, удушливый воздух перехватывал дыхание, но Саша лихорадочно работал. Он не помнил, как упал и как товарищи вытащили его из огня и перенесли на катер.

Только на третьей сутки пожар в порту был ликвидирован. Экипаж советского ледокола спас команды двух английских танкеров, снял с брекватера солдат зенитной батареи, оказал помощь некоторым кораблям.

Перед выходом из порта к Сергееву прибыл офицер и вручил письмо английского адмирала, благодарившего личный состав ледокола за мужество и стойкость, проявленные при спасении английских солдат и матросов иностранных судов. Это была, пусть и запоздалая, оценка подвига советских моряков.

5.

7 января 1942 года «А. Микоян» приближался к Порт-Саиду. Моряки с лю-

¹ Перлины — канаты.

² Шлюпбалки — балки для подъема и спуска шлюпок.

¹ Полубак — надстройка в носовой части судна.

бобытством смотрели на клочок земли, на котором уместился город-порт, казавшийся светлым пятнышком, затерявшимся среди синих бездн воды и неба. Постепенно выростали пристани, маяки, склады. Среди стройных кипарисов виднелись минареты.

Едва судно стало на якорь, как около него появились десятки лодок. Арабы, суданцы, копты наперебой предлагали свои услуги; на палубе появились в живописных лохмотьях торговцы с шелковыми тканями, фруктами, шербе-том.

К ледоколу подошел белый катер. На нем — портовые власти. Шум и крики мгновенно стихли. Но вот чиновники в фесках скрылись в трюмах, и разно-голосые крики возобновились с новой силой.

Стоянка в порту была недолгой. Сер-геев проводил гостей и, взяв на борт

лоцмана, приказал сниматься с якоря. Вскоре «А. Микоян» вошел в канал. Взору открылась запоминающаяся картина. С одной стороны — низкая дамба, отделяющая канал от вод Мензеле, с другой — пустыня с ярко-желтыми песчаными холмами. По африканскому берегу канала вьется полотно железной дороги, соединяющей Порт-Саид и Суэц. Справа и слева виднеются блиндажи зенитных батарей. Возле них суетятся солдаты в одежде цвета хаки. Здесь тоже война. Армия Роммеля с остервенением рвется к Каиру. Фашистская авиация производит частые налеты на канал, стремясь парализовать эту важную артерию англичан. Ледокол медленно пробирается по каналу, обходя останки затонувших кораблей. Здесь их уже много. Из воды торчат мачты и трубы, искалеченные надстройки...

Рядом с капитаном на мостике — лоцман, маленький, круглый, как мяч, англичанин. Он сердито кричит на двух суданцев, орудующих толстыми буксирными концами корабля, перебегает с одного крыла мостика на другое, смешно поднимается на носки.

Солнце медленно скатывается к горизонту. С наступлением ночи всякое движение на канале прекратилось. Доносятся неясные отзвуки зенитной стрельбы и глухие разрывы бомб. Где-то далеко на севере — воздушный налет.

На следующий день вышли в Красное море. Перед глазами раскинулся широкий Суэцкий рейд. Сотни судов, баркасов, шлюпок бороздят воду залива. Вдали застыли громады океанских кораблей. «А. Микоян» становится на якорь по соседству с транспортом под полосатым американским флагом. Закопченный портовый буксир подгащил к борту ледокола огромные железные баржи с углем. Началась погрузка.

Палубу заполнили тощие, полуголые люди. На их черных грязных телах — только узкие, яркие набедренные повязки. Обливаясь потом, грузчики непрерывной вереницей бегут по деревянным сходням с тяжелыми корзинами на плечах.

Когда советские моряки пытались им помочь, те боязливо оглядывались на надсмотрщиков и отрицательно качали головами.

Во время погрузки произошел слу-

чай, вызвавший бурное негодование команды ледокола.

Один из арабов, бежавший с корзиной угля по шатким сходням, оступился и полетел вниз. Он упал спиной на острый железный борт баржи и, видимо, сломал позвоночник. К нему на помощь бросился судовой врач Попков. Но ему преградили дорогу надсмотрщики. Подхватив стонущего грузчика, они поволокли его в трюм баржи.

На протест Сергеева молодой щеголеватый английский офицер ответил с циничной улыбкой:

— Жизнь туземца, сэр, дешевый товар.

В Суэце моряки наблюдали тягостные картины. Вечером, когда над городом опускалась черная, как смоль, ночь, прямо на тротуарах устраивались на ночлег сотни людей — мужчины, женщины, дети. Они ожидали наступления дня. Что-то он принесет?

Суэц — ворота канала, ведущие в Индию, Африку, Австралию. Железные дороги соединяют город с другими пунктами континента. Здесь останавливаются тысячи кораблей, нагруженных несметными богатствами.

Советских моряков поразила ужасающая нищета населения. Зато в фешенебельных ресторанах и казино развлекались английские и американские офицеры. Хотя немцы окружили Александрию, а их передовые части уже прорвались на Каирском направлении, в городе не умолкали визгливые джазы. Пьяные «защитники» цивилизации веселились.

Через неделю ледокол снялся с якоря и вышел в Красное море.

6.

Уже давно в синеватой дымке растаяли берега. Вокруг простирался безмолвный морской простор. Первые сутки прошли спокойно. Рано утром Сергеев поднялся на мостик. Яркий шар солнца поднимался в голубом чистом небе. Над судном парили одинокие чайки.

Накануне на ледоколе состоялось партийное собрание. В принятом решении говорилось: «Всем коммунистам образцово нести вахты, подавать товарищам пример бдительности».

Старпом провел два учения по обес-

печению живучести жилых и служебных помещений, проверил готовность групп сопротивления и затопления.

Сергеев знал, что встреча с опасностью может произойти в любой момент. Ведь японские подводные лодки пиратски нападали даже на суда нейтральных стран. Корабль несколько раз менял курс, вахту несли дополнительные сигнальные посты.

На горизонте показались незнакомые суда. Сигнальщик сосчитал количество выпелов.

— Тридцать! — крикнул он. — Должно быть, союзники.

Прошло томительных полчаса, прежде чем обстановка прояснилась. Это был действительно один из английских усиленных конвоев, сопровождавших транспорты с войсками и продовольствием. В его состав входили крейсера, миноносцы и другие военные корабли.

От конвоя отделились два крейсера и угрожающе развернули орудия в сторону ледокола.

— Спрашивают позывные, — сообщил капитану вахтенный.

— Дать, — ответил Сергеев.

Крейсеры приблизились еще на несколько кабельтовых¹. Один из них пристроился в кильватер ледоколу. Сигнальщик передал:

— Требуют застопорить машины.

— Стоп машины! — приказал Сергеев.

И в тот же миг из башни головного крейсера вырвалось ярко-красное пламя, раздался грохот артиллерийского залпа. У носа ледокола взметнулись два столба воды.

— Да что они, с ума сошли! — возмутились матросы.

— Дать фамилию капитана и показать название корабля! — настаивали с флагманского крейсера.

С ледокола ответили.

Потом — новый запрос:

— Кто отправлял вас из Адена?

Наконец с флагмана просемафорили:

— Можете следовать своим курсом.

Счастливого плавания.

Поведение англичан вызвало недовольство членов команды. Особенно горячился Кузов:

¹ Кабельтов — морская мера длины, равная 185,2 м.

— Не видят, что ли, своих? Стрелять начали!

Ему возражали:

— Это из предосторожности. Время военное.

— Ничего себе предосторожность! Два крейсера против безоружного ледокола!

Плавание до порта Момбаса проходило без происшествий. Но в военноморской базе Сергею пришлось выдержать настоящий бой с ее коммодором, пожилым желчным англичанином.

«А. Микояну» предстояло обогнуть Африку, пересечь Атлантический океан и, придерживаясь портов американского побережья, прибыть в бухту Провиденция. Коммодор настаивал, чтобы ледокол шел в порт Дурбан не Мозамбикским проливом, а гораздо восточнее, огибая Мадагаскар. Это был опасный маршрут: многочисленные островки восточнее Мадагаскара служили убежищем для вражеских подводных лодок. Кроме того, для этого требовалось семь лишних суток.

— Почему вы не даете разрешения следовать через Мозамбикский пролив? — напрямик спросил коммодора Сергей.

— Там — наши конвои. Вас могут потопить по ошибке.

Ответ не удовлетворил Сергея.

— Неужели так плохо отработана система оповещения в этом районе?

Англичанин пожал плечами.

— Вам нечего опасаться. Вы не воюете с Японией, ледокол для них — нейтральное судно.

Сергей пробовал пригрозить связью с Москвой и Лондоном, но англичанин был непреклонен.

На следующий день тяжба с коммодором возобновилась. Только после категорического отказа Сергея следовать предложенным курсом тот, наконец, уступил.

...«А. Микоян» бороздил воды Индийского океана. Тропическая жара изматывала команду. Особенно тяжело было стоять на вахте в машинном и котельном отделениях. Жара доходила здесь до 60—65 градусов. Кочегары и машинисты обливались водой, но это почти не помогало.

Однако экипаж работал четко и слаженно. Радио приносило вести с далекой Родины, где шла гигантская битва с фа-

шистскими полчищами. Сознание, что рейс ледокола — важное боевое задание, заставляло моряков забывать об усталости.

Капитан похудел и осунулся, но был полон энергии. Он обходил вахты и спешил на мостик. Перед глазами расстилалась бирюзовая гладь океана. Ближе к берегу вода окрашивалась в оливковый цвет, у коралловых рифов становилась дымчато-пурпурной с кроваво-красными пятнами.

Лаз¹ исправно отсчитывал одну сотню миль за другой.

В порту Дурбан на ледоколе появились офицер связи Эдуард Энсен и три матроса-радииста. Их направили союзные власти под предлогом предупреждения возможных ошибок со стороны военных кораблей.

Энсен оказался разбитным человеком. Он сразу объявил, что является родственником английской королевы. Правда, этот «родственник королевы» тут же поинтересовался: «Сколько вы будете мне платить, капитан?» Сергей ответил отказом. Энсен не огорчился. Он понял, что русского капитана не проведешь. Целые дни Энсен валялся на койке или бранился со своими матросами. Очень скоро радисты-англичане развели в кубрике страшную грязь. Сергей не выдержал. Он провел англичан по жилым помещениям ледокола, сиявшим чистотой, потребовал поддерживать такой же порядок и у себя.

Первое время английские моряки чувствовали себя неплохо. Но потом частые сигналы «SOS», идущие от гибнущих судов, взвинтили им нервы. Матросы-радисты начали обращаться к капитану с просьбой высадить их в ближайшем порту. Всякий раз после этого из каюты Энсена доносились удары и крики. В конце концов один из радистов покинул судно, оставив Энсону такую записку: «Сэр! Я ухожу, и не ищите меня. Слишком много получил весток о смерти».

Во время своего пребывания на корабле английский офицер связи не раз пытался вмешиваться в действия капитана. Однако Сергей Михайлович все его попытки решительно пресекал. Пе-

¹ Лаз — прибор для определения пройденного расстояния.

ред уходом на берег Энсен сказал: «Капитан, вы действовали правильно. Я должен сообщить по секрету, что был направлен на корабль из опасения, что вы будете заниматься в портах красной пропагандой».

В Кейптаун вошли 19 марта. Советские моряки давно не видели такой радостной встречи. На ледакол приходили многочисленные делегации рабочих, муниципальных властей, отдавали визиты вежливости командиры кораблей, стоящих в порту. Гости выражали неподдельное восхищение мужественной борьбой советского народа против фашизма.

Через неделю «А. Микоян» взял курс на запад — предстояло пересечь Атлантический океан.

...Саша Лебедев начал вести дневник. Он подробно записывал все, что видел

и слышал, над чем много думал. Ожоги, полученные при тушении пожаров в Хайфе, постепенно заживали. Саша уже выходил на палубу, даже спускался в машинное отделение, чтобы помочь товарищам. Однажды не выдержал и направился к судовому врату.

— Федор Кириллыч, — взмолился моторист, — не могу больше, выписывайте...

Попков вначале рассердился, потом сказал:

— Ладно, так и быть. Только больше не приходи. Не приму.

— Есть не приходите! — обрадованно ответил Саша и бросился к Кузову.

— Николай Иванович! — закричал он. — Давайте вахту! Выписали!

Кузов недоверчиво посмотрел на забинтованные руки моториста и только вздохнул:

— Что с тобой поделаешь!.. Заступай во вторую.

...Жара не спадала даже ночью. Чтобы облегчить несение вахт, Сергеев приказал выдавать машинистам, кочегарам и мотористам ячменное пиво, холодный чай и воду, подкрашенную вином. Вскоре начались шквалистые тропические дожди и качка, достигавшая 56 градусов.

Так продолжалось семнадцать суток. Сергеев почти не сходил с мостика. Ветер и ливень бесновались. Внезапно океан стихал, чтобы затем обрушиться на корабль с новой, невиданной силой. Ледакол бросало точно детскую игрушку.

Штурман Марлян, его помощник Фоворов, старший рулевой Молочинский изнемогали от усталости. Толстые металлические двери сорвало и унесло в океан. Пострадала носовая надстройка. Не напрасно моряки всех стран называют эти широты ревущими!

Моряки облегченно вздохнули, когда впереди показался наконец-то порт Монтевидео.

Столица Уругвая, страны, которая не имела дипломатических отношений с Советским Союзом, была видна с капитанского мостика как на ладони. Массивные здания вперемежку с легкими постройками, центральные улицы и площади, обсаженные роскошными пальмами. А рядом — змейки бесчисленных улочек и закоулков с бедными хибарами, в которых ютится рабочий люд.

Еще шла швартовка, а у парадного трапа ледокола уже появилось несколько катеров. На борт «А. Микояна» поднялась шумная толпа представителей администрации порта, таможни, местных властей, полиции. Любопытство так и светилось на лицах этих людей. Еще бы! Ледокол «А. Микоян» был первым советским кораблем, посетившим эти воды.

Есть люди, к которым с первого знакомства бессознательно возникает чувство неприязни. Таким оказался старший чиновник порта с холеным, сытым лицом. Он скорчил улыбку и предупредил:

— В городе, прошу, вести себя достойно. Политической агитацией не заниматься.

Совсем по-другому вели себя жители Монтевидео. Когда советские моряки сошли на берег, чтобы возложить венок на могилу национального героя генерала Артакса, тысячи людей загрохотали улицы города. Со всех сторон раздавались возгласы приветствий. Морякам подносили цветы, жали руки.

Это было днем, в самую рабочую пору. Но весть о том, что экипаж советского корабля будет отдавать дань уважения Артаксу, мгновенно распространилась по столице. Пятитысячная толпа шла следом за моряками и восторженно скандировала:

— Привет посланникам советского народа!

— Да здравствуют друзья, братья, товарищи по общей борьбе против фашизма!

— Посланцам мировой свободы: — салют!

Во время возложения венка лилась мелодия траурного марша. Стихийно возник митинг. Уругвайцы произносили горячие речи. Под бурные аплодисменты с ответным словом выступил первый заместитель капитана Новиков. Оркестр исполнил «Интернационал» и уругвайский национальный гимн.

Движение в городе приостановилось. К месту митинга прибывали все новые и новые толпы людей. Полиция забеспокоилась. Сергею предложили посадить моряков в полицейские машины и отвезти в порт. Долго еще не расходились жители уругвайской столицы. Они шли и шли к порту, чтобы приветствовать экипаж советского корабля.

Дневник Саши Лебедева пополнился новыми записями.

«На судно принесли уругвайские газеты. В них сообщается о нашем пребывании в порту Монтевидео. Вот что пишет «Диарио популар»:

«Наш народ восхищен героизмом советского народа, который борется за свою и за нашу свободу. Сегодня к нам прибыл корабль из этой далекой, но близкой нам страны. В наших водах развевается знамя — символ свободы и борьбы.

Добро пожаловать! Мы долго вас ждали. Знайте, что народ Уругвая, Парагвая и Чили понимает народы советской России. Знайте, что народ этих далеких берегов мечтает собрать все свои силы и помочь вам... Ваше присутствие, русские моряки, вдохновляет нас на большие дела. Приложим все силы, чтобы заставить свое правительство улучшить отношения с СССР!»

«Тысячи людей, — говорится в газете «Эльсигло», — вышли на площади, чтобы продемонстрировать свои чувства экипажу русского судна. Даже в праздники не было такого воодушевления. Несмотря на то, что начальник порта сеньор Карбалио запретил встречаться с советскими моряками, ледокол «А. Микоян» посетили многочисленные делегации трудящихся и вручили капитану подарки от имени всех жителей Монтевидео».

Были и другие высказывания. Например:

«Приятные парни, эти русские моряки. Все стройные, молодые. На лицах читается удивительное мужество, сила. Чувствуется, что земля Ленина выращивает преданных своей Родине сыновей. Мы возвращались с ледокола и думали о людях сильной воли, верящих в победу».

18 апреля, накануне выхода ледокола из порта, к капитану Сергею прибыла делегация представителей русского комитета «За Родину». Членами комитета были русские дореволюционные эмигранты, покинувшие родину в поисках куска хлеба.

Они оставили письмо.

«Дорогие соотечественники! — говорилось в нем. — От имени русского комитета «За Родину» в городе Монтевидео, республика Уругвай, цель которо-

го — оказать всемерную помощь Красному Кресту Советского Союза, разрешите принести вам и вашей команде глубокое и искреннее русское спасибо. Своей выдержкой, порядком, спаянностью и дружеским отношением друг к другу и окружающим вы сильно подняли в глазах местного населения нового советского человека. Те овации и выражения чувств симпатии, с которыми их всюду встречали в городе, они вполне заслужили. И притом имейте в виду, что та же публика, которая горячо аплодировала сейчас советским морякам, несколько месяцев назад гнала в шею моряков фашистской Италии, и не только за их политическую принадлежность, а за неумение держать себя в чужой стране.

Если будете иметь возможность, передайте там, на нашей далекой и горячо любимой Родине, что все наши мысли всегда с Россией, с вами. Сданные сегодня утром комитетом «За Родину» медикаменты, одеяла, обувь, теплые вещи и прочее используйте по вашему личному усмотрению для ваших моряков, которые доставили нам столько радости своим посещением.

Идя в бой, знайте, что мы сделаем все возможное, чтобы помочь вам в трудной справедливой борьбе, и готовы в случае надобности пополнить ваши ряды.

За Родину!»

...Снова лаг отсчитывал милю за милей, снова летели дни, недели, месяцы. Ледокол «А. Микоян», миновав Магелланов пролив, вошел в Тихий океан. Позади остались воспоминания о посещении портов Чили, Перу, Панамы, Соединенных Штатов Америки. Куда бы ни заходил советский корабль, простые люди встречали моряков восторженно. Они видели в них представителей героического советского народа, отстаивавшего в титанической борьбе с фашизмом мировую цивилизацию. И они верили в их победу.

Сотни писем, телеграмм, бандеролей, подарков поступили на судно за время плавания ледокола в водах Тихого океана.

7 августа 1942 года в дневнике появилась долгожданная запись:

«Мы в Дейч-Харборе. Скоро встреча с нашей Родиной. Здравствуй, здравствуй, любимая!»

Командир ледокола «А. Микоян» Сергей Михайлович Сергеев.

7.

Коммунисты ледокола собрались в кают-компанию. Тут было тепло и уютно. Из бледно-матовых плафонов лился мягкий электрический свет, озаряя серьезные лица моряков.

Секретарь партийной организации Барковский встал.

— Ну что ж, товарищи, начнем? Коммунисты все налицо. На учете у нас пятьдесят восемь членов и кандидатов партии. В начале плавания коммунистов было тридцать пять человек. В трудные дни испытаний наша организация пополнилась за счет лучших людей...

У Саши гулко заколотилось сердце. Он бросил беглый взгляд на присутствующих. Холин, Злотник, Попков, Барковский, Данаусов, Десятников, Силаценко, Тарасов, Рузаков, Полещук...

— В нашу партийную организацию, — продолжал Барковский, — поступило заявление матроса Лебедева о приеме его кандидатом в члены партии.

Парторг прочел заявление, анкету, рекомендации.

— А теперь послушаем самого Лебедева. Пусть расскажет свою автобиографию.

Саша встал. С минуту молчал от волнения.

— Родился я, товарищи, в 1920 году...

— Громче! — крикнули из заднего ряда.

Лебедев смутился, покраснел. Потом начал рассказывать о школьных годах, о родителях. Беспомощно развел руками: «Вот и все...»

— Кто хочет взять слово? — спросил Барковский.

— Да что толковать? Знаем Лебедева. Взять хотя бы факты: поведение возле Родоса, когда пожар тушил, и Хайфа... Небось, еще ожоги не зарубцевались. — Это говорил Десятников. — Давайте голосовать.

Лебедев еще больше смутился:

— Товарищи, тут я ни при чем... Каждый бы на моем месте...

Саша не видел, как поднялись руки, не слышал, как Барковский объявил: «Принят единогласно». А его уже поздравляли и обнимали товарищи.

Саша вышел на палубу. В лицо ударил свежий, прохладный ветер, напоенный запахом моря.

— Ну, Сашок, поздравляю! — на плечо Лебедева легла рука Кузова.

— От души поздравляю и я! — слышалось рядом. — Голос принадлежал капитану Сергееву.

— Спасибо, Сергей Михайлович!.. Спасибо!.. — Саша растерянно улыбался. Такой необыкновенный и радостный для него день! Он стал членом большой и дружной семьи коммунистов.

Отстояв вахту, Саша поднялся на палубу. Где-то там, впереди, — берега Родины, по которой так стосковалось сердце. Августовская луна притушила мерцание звезд. Светлая, дрожащая дорожка уходила вдаль.

...На рассвете, обходя посты наблюдения, капитан Сергеев услышал:

— К нам движется судно под советским флагом!

От неожиданности капитан застыл на ступеньках трапа. Стараясь казаться спокойным, ответил:

— Передайте Холину, Новикову и Барковскому, чтобы прибыли на мостик.

Первое судно под родным флагом Отчизны! Более девяти месяцев моряки не видели красноезвездного флага с серпом и молотом, пройдя 24758,9 мили — почти 46000 километров!

Застыл в торжественном молчании сигнальщик, крепче сжал штурвал рулевой. Родина!.. Какое огромное, емкое это слово. Это — и надежды, и мечты, первая любовь, и вступление в жизнь, это — мать, это — брат, это — пахнущая парным молоком изба, это — липы на московских улицах...

Приказав сбавить ход, Сергей Михайлович ждал приближения буксира. А оттуда махали руками, что-то кричали. С леодокола ответили дружным «ура!». Вскоре принесли почту — письма, газеты, журналы.

С большим нетерпением ждали этой почты моряки. Ждал и Саша.

Кто-то сунул в руки ему объемистый конверт:

— Бегом, к бате на мостик!

Саша бросился было к трапу, но тут же услышал:

— Стой, стой, тут и тебе письмецо...

В груди что-то оборвалось. Дошел до мостика, доложил капитану: «Вам почта». Сергей Михайлович торопливо вскрыл конверт, пробежал глазами первые строчки.

— Живы и здоровы!..

Никогда еще Саша не видел своего капитана таким растроганным. Тот читал, чему-то улыбался. Саша на цыпочках сошел с мостика и, очутившись на шкафуте¹, наконец, распечатал письмо. Вначале не мог ничего понять. Потом до сознания дошел смысл прочитанного. Светлана писала, что она гордится Сашей и его боевыми друзьями. «Вы настоящие герои, вы смелые и мужественные люди... Жду, люблю...»

Саша бережно свернул письмо и запрятал в карман. Впереди по курсу судна показался мысок. От него к северу тянулись острые конусы сопки. Возле скал море шумело и рокотало. В воздухе с криком носились чайки.

¹ Шкафут — средняя часть верхней палубы корабля.